

**П. С. ЛЕМЕЩЕНКО, заведующий кафедрой
теоретической и институциональной экономики
экономического факультета Белгосуниверситета,
д. э. н., профессор, Республика Беларусь, г. Минск**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ФОРМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

По сути, с изменения институтов начинается эволюционная динамика любой социально-экономической системы, придавая последней силу или же усиливая тенденцию к стагнации. Именно в институтах проявляется качественные изменения социально-экономической системы. Это с одной стороны. С другой – возникающие новые институты фиксируют с той или иной степенью полноты устойчивости и эффективности, генерируемые эндогенно и экзогенно новые изменения. Однако экономическая литература, формирующаяся в традициях мейнстрима, имеет *существенный пробел по социально-экономическому развитию*, где институтам принадлежит, если и не первоочередное, то уж, по крайней мере, решающее значение. Функциональный анализ, оформившийся в рамках категорий микро- и макроэкономики, принимает институты как некоторую данность. Но какую? К чему это приводит, дает оценку Д. Норт, который пишет: «В то время как фундаментальные неоклассические предпосылки о редкости ресурсов и, следовательно, конкуренции были здоровыми (с точки зрения основ анализа), предположение о беспрепятственном (frictionless) характере обмена завело экономическую историю в тупик» [1, с. 6].

Мировой кризис текущего столетия объединил все страны своими масштабностью и остротой проблем, последствия которых еще, правда, никто серьезно не осознал и выводов не сделал. Но по сути *все страны стали переходными* от кризисных проявлений к новой фазе цикла. И та страна выйдет на эту траекторию развития первой, которая преодолет инертность и рутину нынешнего хозяйственного мышления, т.е. главную *институцию* человеческого поведения, и перейдет на новый уровень *теоретического освоения* и практического применения более эффективных политико-экономических форм *применительно* к уже произошедшим и планируемым изменениям. Но парадокс в том, что так называемые развитые страны уже не могут быть образцом для подражания новым реформируемым государствам, поскольку именно эти страны и породили по существу своими политико-экономическими стратегиями еще и *кризис веры* в рынок, его философию и его базовые институты. Собственно, мировой кризис прогнозировался двадцатью годами раньше (Фукуяма, Сорос, Нэсбит, Тоффлер и др.), но, однако, именно кризис социалистического сообщества ослабил его в целом и, соответственно, страны, не знающие правил рыночной игры, чем и продлил за свой счет существование капиталистического хозяйства. Статистика хотя и не очевидно, но все же подтверждает кто выиграл, а кто проиграл в процессе известных трансформаций. Мир-система же проиграла в целом поскольку кроме известного кризиса достаточно остро проявляет себя проблема стратегии мирового *развития: причины развития, механизмы, направления и сферы, институты и пр.* Таким образом, принципиальное проявление мирового кризиса – это, прежде всего, *кризис институциональной*

системы мир-экономики с ее идеологией, институтом собственности, денежной единицей и соответствующими структурами, принципами ценообразования на стратегические ресурсы и продукты, формами и правилами доминирующей конкуренции политико-экономических игроков за распределение глобальной ренты и совокупных транзакционных издержек [2, с. 59-76]. Существенным изменениям будут подвержены и силы влияния, т.е. *мировой политической рынок* по формированию нового «глобального порядка». Поэтому *и понимание причин происходящего, и принимаемые меры по намечаемым изменениям, и осознание своего места в мировых политико-экономических процессах, и прогноз будущего* зависит в первую очередь от того, каким багажом знаний мы располагаем об институтах, их структуре, политэкономии институтов и их эволюции, *практическом освоении и умении*, как на мировом, так и национальных уровнях управлять институциональным строительством и соответствующими изменениями.

Уже сегодня мировой рынок устроен далеко не по-рыночным принципам 18 века, поскольку *глобальная рента и другие доходы* стали основными формами дохода, которые к тому же присваиваются в приватном порядке основными игроками, что уже не соответствует *духу капитализма*. К тому же совокупные транзакционные издержки по функционированию и обслуживанию современного рыночного порядка национализируются (читай – социализм) и распределяются через целую систему контрактных соглашений между вторым уровнем стран, которые не принимают активного участия в выработке международных институтов и соответствующего порядка. Итог – рост даже не бедности, а углубление нищеты, международный *тектонистический разлом* между целями экономическими, нормами нравственности, принципами справедливости, организационными формами и сопутствующий рост терроризма, социальной и военной напряженности. Текущий глобальный кризис с очевидностью, но *насильственно остро отрицает* очередные международные формы капитала – транснациональные корпорации и банки, региональные военные, политические, экономические и социальные союзы. Глобальная экономика видоизменила источники и вид прибавочной стоимости, которая приобрела форму глобальной ренты как доминирующий вид дохода, а в качестве механизмов изобрела институциональную инициативу активных участников формирования международного политико-экономического порядка или, иначе говоря, институционально-социальные инновации. И если не понимать *закономерностей этих изменений*, не принимать в том или ином виде участия в выработке *реальных структурных формирований*, организаций, инициатив, то остается участь существования на периферийном уровне мирового хозяйства. Процессы, происходящие на международном уровне, стали определяющими в национальном экономическом развитии. Это связано, во-первых, с тем, что страны мирового сообщества распределились по ранжиру в своем развитии, *закрепив все это юридическими и джентльменскими соглашениями*. Ведущие государства сконцентрировали, объединившись в союзы, огромный научно-технический и производственный потенциал, который стал решающим фактором в конкурентной борьбе, росте производительности труда, качестве продукции. Только попав в *"зону" благоприятного положения мировой политики*, определяемой ведущими государствами, более отсталые страны могут сделать некоторый рывок вперед за счет уже накопленного потенциала, занимая на мировом рынке *заранее отведенную для них нишу*. Это, во-первых. Во-вторых, огромное влияние оказывает

на национальные экономики международная финансовая система с ее наднациональными органами. В-третьих, конкурентоспособность страны и бизнеса зависит от степени адаптации страны к информационной системе, *пониманию ее природы*. А здесь, как показывает анализ современной литературы, проблем еще больше.

Внутренние аспекты развития, хотя и переплетаются с внешними в условиях интернационализации производства, все же имеют более локальное и самостоятельное значение. В некотором роде это как проявление общего в специфическом. Понимая происходящее, всегда есть возможность проводить самостоятельную, сильную и эффективную национальную экономическую политику. На первом этапе важно зафиксировать истинные причины успехов и неудач. Второй этап предполагает принятие правильных решений. На третьем этапе осуществляется реализация стратегии развития и роста с соответствующим контролем и коррекцией в политике. Собственно, выше названные факторы обеспечивают институциональную динамику, которая зависит от сознательного управления и, конечно, имеет огромный элемент влияния стихийного, индивидуального и коллективного бессознательного.

Итак, *институциональное планирование* – это сознательное формирование таких норм, правил, порядков, которые, отражая *закономерности* противоречивых современных тенденций, позволяют оптимизировать отношения и интересы различных социальных групп и классов, достигая компромисса интересов, как на международном уровне, так и на уровне национально-государственного устройства. Сегодня через рентные отношения распределяется более половины мирового ВВП. Его создателями и потребителями являются члены группы семерки и двадчатки. Их институциональный капитал позволяет этим странам, используя интеллектуальное преимущество в этом направлении, не занимаясь производительной деятельностью извлекать ренту. К сожалению, мы – распавшееся сообщество от СССР - располагаем в силу определенных исторических и теоретических традиций только жесткими формами управления, а именно политическими и административно-юридическими.

Как и во всем мире у нас в республике юридические законы и нормы узурпировали законы экономические. К тому же мы до сих пор не разработали более или менее вразумительных научных критериев адекватности правовых норм экономическим законам и тенденциям, формам и механизмам реализации последних. Их принятое количество до сих пор считается критерием эффективной деятельности законодательной власти, а управляемость экономики признаком эффективности власти исполнительной. Но если это так, то почему же такое огромное количество «европейского образца» законов» работает» (или «не работает») на такой весьма скромный конечный результат, а проблема коррупции и бюрократии приобрела масштабы, граничащие с национальной безопасностью? Оказалось, что можно подвергнуть индивида испытанию лишениями, но нельзя лишить Человека стремления к лучшим образцам своего существования. Мягко говоря, если практический социализм потерпел поражение за свой короткий период эволюции, то рынок и капитал, существуя и занимая умы человечества целые столетия, частично выиграл, но не победил полностью. И об этом свидетельствуют системные итоги социально-экономического развития.

Итог развития: нет перспективы или последняя крайне сузила свой потенциал и срок существования сложившейся цивилизации в широком смысле

слова. Популярный психолог А. Маслоу пишет: «Каждый век, кроме нашего, имеет свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой – святой, герой, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, - хорошо приспособленный человек – это очень бледная и сомнительная замена» Средний американец, как вытекает из его оценки дальше, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще все соблазнам, которые создает казино-экономика [3, с. 388].

Исходя из этого конкретной, необычайно сложной, но все-таки своеобразной и системным инструментом теоретического анализа и формой влияния на политико-экономические отношения, выступает *институциональное планирование*. Оно включает в себя исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекция институциональных изменений. Принципиальное отличие институционального планирования от директивного, таким образом, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются *не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, отношения*, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек. Общественный прогресс и развитие, в конечном счете, обеспечивается через «порядки» институтов.

Институциональное планирование, как инструмент исследования, так и национального управления может использовать *институциональную матрицу* [4, с. 42-51]. Институциональная матрица представляет собой устойчивую систему однозначно взаимоувязанных системообразующих, экономических, политических и пр. институтов. Главная проблема в формировании такой матрицы заключается в разработке и создании такой институциональной структуры, которая бы отражала действительную реальность той или иной страны. Теория институтов, к сожалению, и на Западе и в постсоветских рамках не накопила соответствующего для прикладного анализа инструментария и коэффициентов. Но, отметим, что основная диагональ матрицы отражает состояние институционального равновесия. Однако в переходный период существует противоречие «старых» и «новых» институтов, которое выражается в явной и неявной формах. Сопоставление же «старых» и «новых» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную стратегию проектирования институтов, с учетом эффектов их разрушения и создания. Структура новых институтов не обязательно должна совпадать со старой по вполне понятной причине необходимости ее изменения. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов, которые неадекватны условиям страны. Данная ошибка проявляется в росте социальных и транзакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ. В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Более того, эти новые формальные институты часто обособляются и реализуют свой интерес через изъятие институциональной ренты.

Сопоставление, например, «белорусских» и «российских» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную *совместную стратегию проектирования институтов*, с учетом эффектов их инерции действия, разрушения и создания. Например, никто не будет отрицать, что «старое наследие» прошлого сопровождает современные отношения в двух странах, хотя, возможно, и в разной степени.

Рис. 1. Институциональная матрица двух стран

<div style="text-align: center;"> Российские институты Белорусские институты </div>	Системообразующие: А), Б), В) ...	Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В)	Экономические :А), Б), В) ...	Политические: А), Б), В) ...	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В)	Метаинституты: А), Б), В) ...
Системообразующие: А), Б), В) ...	a₁ B₁							
Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В) ...		a₂ B₂						
Экономические: А), Б), В) ...			a₃ B₃					
Политические: А), Б), В) ...				a₄ B₄				
<u>Морально-этические:</u> А), Б), В) ...					a₅ B₅			
<u>Переходные:</u> А), Б), В) ...						a₆ B₆		
Формальные: А), Б), В) ...							a₇ B₇	
Метаинституты: А), Б), В) ...								a₈ B₈

Структура страновых институтов не обязательно должна совпадать по понятным причинам отличительных особенностей стран. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов из одной страны в другую, которые неадекватны историческим условиям страны. Данная ошибка сопровождается ростом социальных и транзакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ как в странах, так и при формировании союзов. В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Скептикам предложим обратить внимание не на темпы роста ВВП, а на динамику производительности труда, уровень рентабельности, динамику цен, продолжительность жизни, в конце концов. Более того, эти новые формальные институты часто обособляются и реализуют интерес инициаторов институциональных изменений через изъятие *институциональной ренты*. Собственно, это и есть *основа бюрократизма*, имеющего, к сожалению, уже место и в ... новом Союзном государстве. В этом нет ничего удивительного и странного. Как заметил известный С. Паркинсон, если появляется новая властная структура, то она тут же имеет тенденцию к обособлению и удовлетворению своего интереса.

Далее. Как бы мы ни занимались риторикой о «социально-ориентированной модели развития» и «общенародном благе» следует достаточно прочно усвоить, что национальная социально-экономическая структура не является однородной и в будущем никак таковой не просматривается. У каждого класса, слоя, «элиты» есть свой *интерес*, свои затраты и результаты, критерии оценки эффективности своей деятельности и своих инициатив. Определение этих слоев и классов, формулировка их интересов, установление субординации между ними имеет крайне практический смысл, ибо позволяет установить *движущую силу* нынешнего экономического строя, найти оптимальную налоговую нагрузку и пр. Правда, какой это экономический строй? Какова его структура и каковы тенденции развития? Но ориентироваться просто на рынок даже социально-ориентированный без капитала, его технико-ресурсной основы и противоречивых последствий, мягко говоря, наивно и не прагматично.

Исследования на политико-экономическую тематику приводят к пониманию того, что в современной мир-экономике «правят бал» институты в целом и *международные* в частности. И даже при крайне ограниченном национальном суверенитете для малой страны все же весьма важным является *участие в формировании или выработке институциональной среды* мир-системы. Это ориентирует на возможность присвоения части *глобальной ренты*. Причина – возникновение нового объекта и, следовательно, субъекта собственности – права на формирование институтов. *Институциональная конкуренция*, таким образом, является в современном мире *доминирующей* в отличие от, скажем так, конкуренции на рынке пиццы, станков, машин или даже технологий. Есть и цена этого вопроса со знаком плюс или минус. Поэтому формирование такого нового института, Союзного государства, не может не настораживать мировую политическую «элику», поскольку новое объединение может выступить *серьезной конкурирующей силой на международном политическом рынке (!)*. К сожалению, именно рынке с его всеми коммерческим устремлениями и последствиями. И если новая институциональная единица заявит реально о себе на мировом политико-экономическом рынке, то тогда глобальной рентой придется делиться с этим новым структурным образованием. Напомним, что конкуренция на рынке товаров сегодня носит *подчиненный характер* по отношению к главенствующей политической конкуренции. В современной архитектонике геополитики влияние данного союза, т.е. союза Беларуси и России как серьезного конкурента пока даже не просматривается...

К тому же формирование системы институтов сопровождается довольно значительными затратами (и времени тоже), психологическими издержками от «перестройки» старой систему в новую. Отдача же от новой системы институтов имеет свой цикл, *временной лаг и целевую направленность*. «Институциональные пустоты» создают условия для резкого снижения социального потенциала, не позволяющего, в конечном счете, реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал, например, рассматриваемых государств. Таким образом, кривая «институционально-социальных возможностей» SF (рис. 2) может выступать, с одной стороны, и препятствием реализации кривой производственных возможностей – PF, и с другой – расширять такой потенциал за счет создания новых «правил игры» в новом государственном образовании, основанных на специализации, кооперации и взаимовыгодном обмене научными идеями, технологиями, товарами.

Рис. 2. Кривая производственных (PF) и социальных (SF) возможностей

Сегодня взаимовыгодному обмену между экономическими агентами двух стран мешают высокие производственные издержки из-за низкой специализации, а также увеличивающиеся транзакционные издержки, порождаемые разными нормами и правилами ведения бизнеса, таможенной и другой политикой внешнеэкономических отношений. Следствием этого выступает низкая эффективность используемых факторов производства, не обеспечивающая *высокотехнологичного прироста ВВП ни в Беларуси, ни в России*. Иначе говоря, созданные *новые институты (SF')*, которые отражают систему производственных отношений, в долгосрочном периоде могут обеспечить рост и развитие совместной политико-экономической системы при тех же запасах физического и финансового капитала. Как показывает практика, требуются разработки способов, не просто методов взаимодействия государства и экономики на разных уровнях, а *адекватной и непротиворечивой институциональной системы*. *Институциональные инновации*, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики.

Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *адекватных общественных органов*, чтобы исключить присвоение *институциональной ренты* частными лицами. Последнюю можно проиллюстрировать примером из истории, когда кто-то лоббировал установление арки, которая давала за определенную плату исключительное право на въезд в город. Лицензирование и разного рода сборы являются из этой же серии. К сожалению, государство и его служители мало чем отличаются в поведении от обычных граждан с эгоистическим мышлением. Но если последние могут увеличить свой доход за счет оказания дополнительных услуг, то государственные чиновники увеличивают «свои» доходы за счет создания новых организационных структур, инструкций, форм, правил и пр. Финансируются же такие нововведения из госбюджета, «обоснованных» внебюджетных фондов и лицензионно-сборовых платежей. Для переходного периода характерно резко увеличивающиеся расходы

содержания формальных институтов и возникновения людей, присваивающих трансформационную ренту. Последняя может и является демократическим видом дохода, но его происхождение однозначно не выступает доходом предпринимательским, характеризующим «экономику рынков».

Опыт транзитивных экономик подтверждает неэффективность многих созданных в Беларуси, России и других молодых демократических государствах формальных институтов, заимствованных из других стран. Скорее, наоборот, если обратиться к многим экономическим показателям: растут трансакционные издержки и практически не повышается резко снизившаяся с началом «перестройки» эффективность экономики. Отсюда политика модернизации в России, например, и либерализации в Беларуси. Но и то и другое, с нашей точки зрения, имеет крайне небольшой теоретический опыт. Политическая же составляющая должна (!) заранее просчитываться теорией институционализма.

Чтобы заметить необходимость институциональных изменений, спрогнозировать их динамику, спланировать этапность и все необходимые мероприятия для практического осуществления этих перемен (реформ), необходимо как к каждому институту в отдельности, так и к их целостной системе подходить с четырехмерной позиции, например, X, Y, Z и t. Первая сторона системы координат (X) позволит построить набор предпочтений потребностей, например, белорусского человека, от простого утилитаризма до уровня социальных потребностей, одной из которых является потребность в самореализации способностей индивида (примерно по пирамиде А. Маслоу). Вторая линия (Y) фиксирует набор неформальных общественных ценностей и ограничений, от обычаев и простых нравов до осознания научных и культурных ценностей. Линия Z отражает набор формальных правил от простых (межличностных, групповых) до конституционных. В позиции t получает классификацию функциональный аспект институтов. Примером последнего может служить институт страхования, который необходим любой системе, но который принципиально отличается по целям, организации, механизму осуществления. Кстати сказать, именно институт страхования принципиально отличает любые экономические модели.

Необходимо делать расчеты затрат на нововведение институтов и выгод (индивидуальных, коллективных, общественные) от их функционирования.. Идея сравнения затрат и выгод от институциональных нововведений вполне может быть использована как на национальном, так и на уровне фирмы, которая заключает контракты. Сравнение в данном случае идет в направлении затрат на подготовку и заключения контракта и получаемого от его заключения дохода. В результате установления новых правил и ограничений, кроме всего прочего, должна снижаться неопределенность и риск совершаемых операций и действий для всех участников сделки. Это достигается установлением порядка, который просчитывается каждым субъектом экономических отношений. Здесь принимаются в расчет и возможные санкции за нарушение вводимого нового порядка. Поэтому, взвешивая все «за» и «против», участники институциональной сделки могут принять или же не принять новые правила поведения. Реальная практика формирования новых институтов состоит в том, что *далеко не всегда эти новые правила распространяются на лиц, которые их планируют и вводят*. Не совпадают также источники покрытия затрат на институциональные нововведения с инициаторами последних. Иначе говоря, новые правила, законы и пр. вводят одни, например, законодатели, которые получают за это деньги и другие льготы, а

издержки по их внедрению и функционированию несут совершенно другие лица. Здесь сказывается элементарное «несцепление» вводимых новых формальных институтов с существующими традициями, культурной средой той или иной страны. Таким образом, *институциональная инновация*, кроме того, что требует немалых затрат на ее введение, может создавать условия для роста производственных, транзакционных и социальных издержек при проведении различного рода сделок. Представляется, что устойчивая и глубокая депрессия в большинстве реформирующихся государств, является именно следствием вышеуказанного противоречия. Вводимая институциональная рыночная инфраструктура в этих странах «не вписывается» в социокультурный контекст исторически сформированных традиций, норм и правил поведения. Скорость проведения реформ («политика шоковой терапии») заменяет элементарную рациональность и целесообразную эффективность в институциональных преобразованиях. Созданная таким образом квазирыночная институциональная инфраструктура создает условия лишь для небольшого количества лиц, извлекающих *институциональную ренту*, ибо эти нововведения абсолютно гетерогенны для интересов и мотивов всего населения страны. Очевиден и теоретический парадокс, который не замечается ортодоксальной неоклассикой. Его суть состоит в том, что экономическое равновесие, являющееся контрапунктом экономического анализа, имеет всегда политические, экономические, социальные и другие виды издержек. За нарушенным равновесием скрываются неэффективные сделки, имеющие разные выгоды для сторон контрактных отношений. Также необходимо учитывать затраты и выгоды в самом процессе достижения равновесного состояния рынка, что, к сожалению, упускается наукой и тем более практикой.

Важно видеть то, что проблемой институциональной динамики сегодня озабочены буквально все страны. Институциональная среда дело дорогостоящее и также конкурентна, хотя проявление ее механизмов очень специфическое и, естественно, более сложное для изучения. Экономическая теория (политэкономия не является здесь исключением) пока еще не создала соответствующего методологического и технического инструментария исследования этой сложной сферы человеческой деятельности и отношений. Даже на такой стадии процедуры, как принятие какого-то отдельного закона, весьма трудно распознать действительное стремление реализовать, например, государственный интерес от элементарного эгоистического группового интереса узкого круга лиц, лоббирующих нормативный документ. Но рано или поздно противоречие, опосредованное созданием неэффективного института, приобретает особую остроту и потребует своего правильного решения. В частности проблема взаимосвязи транзакционных издержек и роли государства в спецификации и охране прав собственности находится в начальной стадии, но, несомненно, является тем фокусом, на котором должны быть сосредоточены усилия экономистов. Для современного этапа системной реформы сама практика выделила необходимость рассмотрения *трансформационных ловушек*, которые стали неожиданностью и серьезной проблемой для политиков, руководителей фирм, населения.

Институциональные инновации, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики. Как отмечается в «Докладе о мировом развитии за 2002 год»

исследователями Всемирного банка, «...положительные зависимости между экономическим развитием и показателями институционального успеха зафиксированы повсюду» [5, с. 9]. Конечно, самостоятельной и крайне сложной проблемой является проблема установления связи между конкретными институтами и конкретными результатами в странах.

Воспроизводственный аспект позволяет выделить и *новую норму*, регламентирующую не только поведение хозяйствующих субъектов, но и передающей целостность современной экономической системы – среднюю норму прибыли высокотехнологичных отраслей. Эта норма прибыли является следствием межотраслевой конкуренции и нормативом, базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким нормативом была средняя норма прибыли промышленного капитала как ведущей отрасли и сферы. Она позволяла на «легальном», общепризнанном уровне развиваться производительному капиталу в целом, основой которого стал капитал, а, следовательно, и рынок промышленного сектора. Этот ориентир свидетельствует, что сегодня *не ставка банковского процента является экономическим регулятором, а рентабельность инновационных отраслей*. Как показывает практика, реально эта норма в силу естественных обстоятельств невысокая, но позволяющая «держаться» фирмы на уровне расширенного воспроизводства наравне с фирмами других отраслей. Все же то, что выходит за рамки этой нормы должно «отсекаться» и направляться в государственный бюджет и инновационные фонды, чтобы инициировать новые разработки и внедрять рискованные проекты. Иначе говоря, ставки рефинансирования, которыми пытаются регулировать разнородную экономическую систему, в конечном итоге дают возможность всегда начинать и «выигрывать» самому мощному, но все же посреднику – банковскому капиталу. К тому названную выше норму следует, если привязаться к экономической практике Беларуси, других стран ввести в качестве прогнозного, а лучше планового стратегического социально-экономического показателя. Именно она определяет будущее и текущее «здоровье» социально-экономической системы страны. Если она ниже банковского процента, и тем более ниже рентабельности в промышленности, то кто же найдет, чтобы вкладывать в эти отрасли деньги и кто пойдет заниматься титанически сложной и неизвестной научно-исследовательской деятельностью, разработкой новой техники и технологий? Проблема формирования научно-технических кадров во многих странах, и Беларусь, к сожалению, здесь не является исключением, подтвердит высказанный выше тезис. А технологии – это, прежде всего, знания. Нет знаний, нет технологий и нет стратегически перспективных инноваций. Но чтобы раскрыть эту природу и придать действительное начало инновационному развитию следует внедрить в хозяйственный механизм такую форму как *институциональное планирование и проектирование*. Это реальный, хотя и напряженный научно-аналитический проект, равно как и действительно демократический инструмент общественного управления современной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 1.
2. Лемещенко П.С. Экономический кризис как институциональная форма и степень отрицания капитала // Журнал институциональных исследований. 2010. Том. 2. № 4.

3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
4. Лемещенко П.С. Россия – Белоруссия: Институциональные начала формирования союзного государства // Вестник экономической интеграции». Москва, 2009, № 1.
5. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. - М.: Весь Мир, 2002.

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики экономического факультета Белгосуниверситета, г. Минск

АДРЕС: 220030, комн. 203, 410, кафедра теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, г.Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01; моб. +375 29 653 61 70;

адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;

e-mail: индивидуальн. - liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by.